

УДК 82 Шаров.07

И. В. Ащеулова

Кемерово, Россия

**СЮЖЕТ ПОИСКА ПРАВДЫ
КАК ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ МЕЧТЫ О РАЕ НА ЗЕМЛЕ
В ПРОЗЕ В. ШАРОВА**

На примере четырех романов современного русского писателя В. Шарова рассматривается сюжет поиска правды, воплощаемый в нескольких аспектах: онтологическом (как создание религиозно-мистической картины мира), социальном (как пересоздание реальности с помощью революционных преобразований и установление подобия Царствия Небесного на земле), философском (как генерирование утопических идей и проектов).

Ключевые слова: сюжет, событие, В. Шаров, народная правда.

В нарратологии XX в. очевидна связь исторического и художественного повествования. Первооткрыватели нарратологического дискурса в историографии – историк Х. Уайт и философ А. Данто. В литературоведении вслед за ними пошли Р. Барт, Ж. Женнет, Ц. Тодоров в 1960–1970-х гг.; Ю. М. Лотман в 1970-х гг.; Н. Тамарченко, В. Тюпа, В. Шмид, И. Силантьев в 1990–2000-х гг. Проза известного в современном русском литературном процессе писателя В. Шарова оказывается на пересечении двух нарративов: исторического и художественно-повествовательного, и представляет интереснейший пример их взаимодействия. История как *story*, рассказ, повествование интересует Шарова не только потому, что он является профессиональным историком (окончив исторический факультет и аспирантуру Воронежского государственного университета, в середине 1980-х гг. Шаров защитил кандидатскую диссертацию по истории Смутного времени), но и в связи с неисчерпаемостью, цикличностью и незавершенностью. В одном из интервью писатель говорит: «Для меня наиболее интересные вещи – тупики истории, а не магистрали, боковые ответвления, не получившие развития. В это я и углубляюсь, чтобы понять, почему то-то и то-то не получилось. Повторяемость истории для меня очевидна» [1]. Фантазмагорические версии событий русской истории, рассказанные устно или записанные в виде дневников, писем, философских трактатов возможными очевидцами судьбоносных событий состав-

Ащеулова Ирина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и русской литературы XX века Кемеровского государственного университета (ул. Красная, 6, Кемерово, 650000; asheulova@mail.ru; +7 905 907 75 90)

Сюжетология и сюжетология. 2013. № 2. С. 72–78
© И. В. Ащеулова, 2013

ляют сюжеты семи, опубликованных на данный момент, романов писателя («След в след» 1989, «Репетиции» 1992, «До и во время» 1993, «Мне ли не пожалеть...» 1995, «Старая девочка» 1998, «Воскрешение Лазаря» 2003, «Будьте как дети» 2007). Романы условно можно объединить в историософский метатекст, одним из ведущих сюжетов которого становится сюжет поиска русским народом идеала правды в повседневном, бытовом и в метаисторическом существовании. Выделение и рассмотрение этого сюжета является целью данной статьи.

Народ в русской истории предстает в романах Шарова в различных воплощениях. С одной стороны, это некая безликая масса, «фон» для великих деяний исторических личностей («коллективное тело», по замечанию критика Д. Бавильского) или «хор» без выделения индивидуальностей, послушный воле дирижера («Мне ли не пожалеть...»). В этом смысле историческая деятельность народа сводится к послушанию и молчанию, равнодушному орудию в чужих руках. С другой стороны, в народной среде выделяются некие голоса (солисты в хоре), способные не только к фиксации происходящего в истории, но и к рефлексии, анализе, философскому концептуализированию. Так рождаются народные рассказы, с помощью которых автор и читатель могут не только воспроизвести «подлинный» ход события, но и попытаться рассмотреть *версию, модель* развития того или иного события, без мифологизации, свойственной официальным, из учебников, концепциям исторического процесса. Это, безусловно, маргинальная народная история, некое духовное историческое подполье, остающееся за пределами истории государственной, ибо, как правило, подполье не имеет подлинных исторических документов. К. Гинзбург называл такую историю микроисторией [2], Р. Барт – «эффектом реальности» [3], Шаров же считает, что в маргинально-народных повествованиях, даже вымышленных, смоделированных, можно обнаружить историю живых людей, отношений между ними, человеческих судеб. О своем интересе к тайному народному историческому нарративу Шаров высказывается так: «...от тех же большевиков остался огромный корпус источников, документов, в том числе и учебников, по которым мы все учились. Много осталось и от белого движения, а от проповедников, которые по маленьким городкам, по селам и деревням учили без бумаги и ручки, как в древности, из уст в уста, – мало или почти ничего. Мы же по-прежнему убеждены, что, коли нет бумажки, не было и человека» [4]. Поэтому народная среда в романах писателя начинает рассказывать о своем отношении к истории голосами и текстами провинциальных, «домашних» философов. У Шарова народ разделяется на два типа: народ веры (старообрядцы, сектанты, толстовцы, преследуемые властью христиане, новообращенные), выстраивающий свое существование в повседневной жизни и в истории как постоянный диалог с Богом; и народ света, светской жизни (светские дамы, чекисты, обыватели, военные и солдаты), живущий в соответствии с правилами и законами существующей верховной власти. Однако и те, и другие являются носителями некой идеи, осуществление которой составляет главную цель жизни. Идея может как разъединять, разводить два народа, так и объединять. Так, идея исправления православной веры, осуществленная патриархом Никоном в XVII в., привела, по мысли Шарова, не только к религиозному расколу, но и к гражданской войне двух народов, один из которых остался с официальной властью и ее политикой, другой ушел в духовное подполье. А русская революция во многом привела к объединению двух народов, увидевших в ней осуществление своих идеалов. При этом в народной жизни бытовали идеи, отражающие семантику вечного стремления народа к справедливости, Правде, поиску Царствия Небесного на земле. Думается, что мы обнаружим их в любом из социально-утопических проектов, предлагавшихся в контексте русской истории, будь то поиск Китеж-града или Беловодья, «Философия общего дела» Н. Ф. Федорова или по-

строение социализма в отдельно взятой стране. По словам известного историка, исследователя сектантского движения в России А. И. Клибанова, «начала и концы народной социальной утопии связаны идеалом Правды, который народная социальная утопия, разветвляющаяся на множество течений в многовековом пути, пронесла от истоков в Древней Руси до устья на грани XIX–XX вв. Идеал этот представляет собой предвосхищение совершенного состояния рода человеческого на земле. Он необходимо включает – мы говорим о народной социальной утопии – представление и убеждение, что предельно-совершенное состояние является изначальным и непреходящим достоянием человеческого рода на земле, не химерой, не воображаемым, а реальным достоянием, насильственно отчужденным, однако и подлежащим возврату по законной принадлежности. Таковы общие рамки идеала, названного народом Правдой» [5, с. 9].

Сущность Правды народ понимает как ответ на вопрос: как надо жить, чтобы всем было хорошо? Ответ на этот вопрос в русской истории предстает в разных видах. Это и утопические, отвлеченные от реальной жизни, проекты (Н. Федоров «Философия общего дела»), и художественные тексты (Н. Некрасов «Кому на Руси жить хорошо», Н. Чернышевский «Что делать?», М. Горький «На дне»), и народное мифотворчество (Беловодье как пространство справедливой жизни), и непосредственные руководства к действию, к переделке существующей реальности (история крестьянских восстаний и бунтов). Например, в апокрифическом тексте «Вопросы Иоанна Богослова к Господу на горе Фаворской» очищенная от неправедных деятелей, их слуг, от царей и от князей земля станет «благим местом» и в том отношении, что в нем не будет «ни слез, ни гнева, ни злобы, ни зависти, ни ревности, ни ненависти, ни клеветания, ни печали...», т. е. буквально превратится в рай земной, именно земной рай воспринимался в народной среде как справедливый социальный строй [5, с. 24]. Еще в древнерусской литературе существовало два типа утопических проектов по претворению правды в реальность: царь от нищеты и земной рай. По мысли Клибанова, оба типа утопий вызвали к социальному действию и стимулировали его. В отечественной истории идеал счастливой земли вызвал массовое движение уже с конца XVIII в. Общая тенденция – от мечты, содержащейся в утопии, к образу переустройства общества, обусловленному волей и практикой человека [5, с. 27]. В художественном дискурсе оба проекта нашли свое место и воплощение: от романтизации образов народных вожаков (царей от нищеты) Степана Разина и Емельяна Пугачева до тиражирования легенды о Китеж-граде и Беловодье как земном рае. Рассмотрим несколько вариантов, представленных в романах В. Шарова.

Сюжет поиска народом правды может быть воплощен в нескольких аспектах: онтологическом – создание мирообраза (в религиозно-мистическом смысле), в котором единственным идеалом, правдой является вера («Репетиции» 1992); социальном – осуществление революционных преобразований как попытка переделать реальность с позиций правды и справедливости («Мне ли не пожалеть...» 1995); социально-философском – множественность вариантов и идей по поиску правды и воплощения ее в реальность («Воскрешение Лазаря» 2003, «Будьте как дети» 2007).

В романе «Репетиции» сюжет поиска правды проявляется в религиозно-мистическом проекте патриарха Никона по созданию теократического государства, где равны власть государя и патриарха. Никон на практике, в реальности пытается осуществить идею монаха Филофея «Москва – Третий Рим». Московская Русь, по мысли Никона, должна стать пространством всеправославного единства, единственной хранительницей чистого православия. Для осуществления идеи строится Ново-Иерусалимский монастырь, среднерусский ландшафт подделывается под иерусалимские пейзажи, переименовываются села, деревни, реки и озера, репети-

руется мистерия, изображающая земную жизнь Христа. Сущность мистерии, «содержательность» ее формы, становится для патриарха веским аргументом для достижения цели, для воплощения истины и правды веры. Этого он добивался при избрании на патриарший престол, эту цель преследует, стремясь средствами искусства внушить идею царю и множеству людей, а в представлении мистерии видит свое место в исполнении роли Спасителя. Мистерии как сакральному действию отводится роль главного события в будущем преображении Руси и православной веры. Изображая земную жизнь Христа, мистерия должна была подвести зрителей к осознанию невозможности жить в греховном мире, т. е. стать событием, предвещающим Второе пришествие Спасителя. По замыслу Никона, мистерия напомнит зрителям (от царя до рядовых зрителей) священные события, Благоую весть о возможности полностью изменить их жизнь, государство, судьбу человечества. Если под сюжетом понимать «цепь событий, изображенную в литературном произведении, жизнь персонажей в ее пространственно-временных изменениях, в сменяющих друг друга положениях и событиях» [6, с. 381], то проект Никона по достижению торжества православия в мире будет иметь несколько ключевых событий. Во-первых, идея мистерии о жизни Христа, подробнейшим образом описанная в дневнике ее режиссера Жака де Сергана; во-вторых, событие высылки всех актеров мистерии в Сибирь после низложения и смерти Никона; в-третьих, событие создания секты и история существования репетиций мистерии на протяжении трехсот лет; в-четвертых, трансформация репетиций в зависимости от меняющихся исторических условий (революция 1917 г., Гражданская война, формирование ГУЛАГа). Поиск правды оказывается напрямую связанным с данными обстоятельствами. В начале своего пути секта свято хранит заветы «режиссеров» и верит, что пришествие Христа, осуществление справедливости и торжество истинной веры зависит от нее, от конкретных «актеров», точно исполняющих свои «роли». Однако по мере развития репетиций, отступлений от канона, индивидуальных размышлений о причинах неприхода Христа, неизменности реальности, правда веры теряется, снимается личная ответственность за грехи и зло мира, и мистерия превращается в бессмысленное повторение роли, хождение по кругу. Существование мистерии в качестве антирелигиозного спектакля в лагере для политзаключенных в 1930-х гг. не только уничтожает ее смысл как акта поиска и следования истинной вере, но и ставит под сомнение возможность осуществления в истории проектов по созданию «островков», коммун, государств одной идеи, одной веры.

В романе «Мне ли не пожалеть...» сюжет поиска народом правды реализуется в социальном аспекте как возможность революционного переустройства реальности. Новый мир, рождаемый революцией, должен отвечать идеалам справедливости, равенства, безгрешности, олицетворяя наступление Царства Божьего на земле. Народные устремления, желания, идеалы концентрируются в хоре «Большая Волга», спевки и выступления которого совпадают с важнейшими историческими событиями в России. Хор оказывается как бы слепком социума русской жизни, представляя, с одной стороны, его внешнее, официальное население (служащие, учащиеся, рабочие), с другой – маргинальную, подпольную составляющую (скопцы, хлысты, старообрядцы, эсеры). В целом и поодиночке все голоса хора ищут собственную правду веры, возможность избавления мира от греха, зла, смерти, возможность индивидуального прощения Богом. Ключевым событием в этом сюжете становится революция, по фантазмагорической версии, спланированная и осуществленная союзом-партией эсеров, скопцов и хлыстов. Революция, определившая ход советской истории, на разных этапах своего развития оказывается детищем той или иной ветви данной партии. «Например, авторами политики военного коммунизма были поддержанные народом эсеры; когда же она провали-

лась, власть и влияние перешли к скопцам. Идея нэпа – их идея, это дитя их хозяйственной сметки, умения торговать и заниматься делами» [7, с. 74]. Но революция оказывается ложным путем, ведущим не к правде как избавлению от греха, а к новым ошибкам и грехам людей, облученных неконтролируемой властью. Наступают последние времена, приметам которых становятся события коллективизации, политических репрессий, Второй мировой войны, всего того, что множит грех и смерть людей. В финале романа хор погибает в лесном пожаре на пути к мифическому граду небесному, обнаруживая неспособность людского социума перестроить реальность своими силами.

В романах «Воскрешение Лазаря» и «Будьте как дети» социальный аспект переделки реальности приобретает философскую семантику. Революция открывает неисчерпаемые возможности для воплощения новых идей, которыми богато духовное подполье России. В «Воскрешении Лазаря» глубинной идеей сюжета становится идея воскрешения русского народа, России после братоубийственной войны, в «Будьте как дети» такой идеей оказывается мысль умирающего Ленина о крестовом походе детей-беспризорников, призванных своей молитвой спасти революцию.

В романе «Воскрешение Лазаря» сюжет поиска народом правды реализуется в презентации русского философского наследия первой половины XX в. Персонажи романа являются идеологами, исповедующими те или иные философско-религиозные или теоретико-философские учения. Можно утверждать, что личностное восприятие истории как множества идей спасения и воскрешения жизни определяет пафос романа, нарратив истории предстает как столкновение разных философских традиций, исповедуемых различными персонажами, представляющими те или иные социальные группы в русской жизни.

Одним из собирателей идей является в романе Николай Кульбарсов, тип «домашнего философа». Собственная идея Кульбарсова состоит в «собрании», объединении русского народа после страшной братоубийственной войны. Для этого он задумывает пеший поход из Москвы во Владивосток с целью пропаганды смирения, милосердия, прощения. Он мечтает спасти народ, вернув его в русло христианских идей. Посвятив себя проповеди ожидания спасения, воскрешения извне, Коля бросает любимую женщину, ребенка, рвет связи с братом, сотрудничает с чекистами, поскольку в Советской власти он видит цель – будущее преодоление смерти, построение не просто справедливого земного мира, но рая на земле. Однако проповедник Кульбарсов аккумулирует русские религиозные и социальные утопические течения первой половины XX в., которые внедряются в сознание Коли носителями этих учений, и с помощью НКВД становится центром по формированию проекта будущего всеобщего воскрешения. Во-первых, он возрождает идеи Н. Федорова о природе как враге человека, ибо она определяет «порядок существования, стоящий на рождении, половом расколе, взаимной борьбе, вытеснении и смерти» [8, с. 83], и идею человека как соратника Бога по делу воскрешения. В этом герой совпадает с новой властью, в теории мыслителя увидевшей практическое дело объединения народа на основе утопических идей. Во-вторых, советские утопии питались идеями русского космизма, в частности, Циолковского, последователем которого является Матвей Сигизмундович Порецкий, сосед Коли по коммунальной квартире. Основная мысль Циолковского, которую интерпретирует Порецкий, заключается в возможности преодоления земного тяготения и выхода человечества в космос, где и произойдет процесс воскрешения. В космосе чисто, холодно и свободно, именно там начнется новая эра в жизни человечества, когда оно станет хозяином Вселенной. В-третьих, идеи коммуны, декларируемые Халюпиным, убежденным толстовцем, который видит в коммуне образец земного рая. По мысли Халюпина, учение Толстого настолько чисто и безупреч-

но, что использовать его во зло невозможно. Халюпин органически связывает идеи новой власти и учение Толстого: коммуны легко вливались в колхозы, коммунары легко становились следователями НКВД. Он не видит здесь противоречия, так как чекисты из толстовцев выступают как новые пророки, желающие всех обратить в новую веру и борющиеся с врагами «райской жизни». В-четвертых, проверяются идеи христианства в православном и старообрядческом изводах, идеи антропософского учения Р. Штейнера. Все последователи философских и религиозных учений предстают как убежденные идеологи, многие отсидели сроки за свои убеждения, они верят в истинность спасения мира через воплощение определенной идеи в жизнь. Кульбарсов собирает верующих в иную жизнь, считая, что они могут объединить расколовшийся народ верой. Однако само разнообразие «перечня» способов спасения жизни свидетельствует об отсутствии безусловной истины, достойной веры. В историческом и социальном хаосе каждый объявляет истинным свой путь, но единой, объединяющей народ правды, представить не может. В этом смысле и революция, попытавшаяся объединить идеи и надежды всех слоев народа, оказывается несостоятельной, сползает в тотальное насилие, смерть.

Представления о правде, выработанные народом в процессе духовного становления и обретения национального самосознания, являются народной правдой, становящейся материалом для создания народной социальной утопии, которая реализующейся как в «потаенной», другой литературе, так и в возникающих различных еретических, сектантских учениях, распространяющихся на территории России с XVII в. Во всех опубликованных романах Шарова русская революция 1917 г. несет семантику осуществления грандиозного народного утопического проекта, воплощающего в реальность подпольные духовно-философские идеи народа. В этом смысле и религиозный раскол XVII в. («Репетиции»), и существование сектантства в истории России («Репетиции», «Мне ли не пожалеть...»), каткомбная православная церковь 1930-х гг. («Воскрешение Лазаря», «Будьте как дети»), философское учение Федорова («До и во время», «Воскрешение Лазаря»), марксистско-ленинская философия не существовали в отдельности, но подготавливали возможность осуществления революции на русской исторической почве. Однако уроки революции формируют мысль о невозможности достижения идеала правды. По мысли Шарова, русская история движется по кругу, разыгрывается как пьеса, упирается в тупики и показывает свою единственную сущность – исторические процессы могут многократно ускоряться, но модель, суть истории сохраняется.

Список литературы

1. Шаров В. «Что случилось с историей? Она утонула»: Беседа с Д. Быковым // Русская жизнь. 2007. № 3 (8 июня). URL: <http://www.intelros.ru> (дата обращения: 07.05.2013).
2. Гинзбург К. Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI веке. М., 2000.
3. Барт Р. Дискурс истории // Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры. М., 2003. С. 427–441.
4. Шаров В. «Каждый мой новый роман дополняет предыдущие...»: Беседа с М. Липовецким // Неприкосновенный запас. 2008. № 3 (59).
5. Клибанов А. И. Народная социальная утопия в России. М.: Наука, 1977. 335 с.

Сюжет и методы его описания

6. Хализев В. Е. Сюжет // Введение в литературоведение. Литературное про-
изведение: основные понятия и термины: Учеб. пособие / Под ред. Л. В. Чернец.
М.: Высш. шк., 2000. 556 с.

7. Шаров В. Мне ли не пожалеть...: Роман // Знамя. 1995. № 12. С. 7–118.

8. Шаров В. Воскрешение Лазаря: Роман. М.: Вагриус, 2003. 336 с.

I. V. Asheulova

Kemerovo, Russia

**THE PLOT OF SEARCH OF THE TRUTH
AS THE IMPLEMENTATION OF THE DREAM OF PARADISE ON THE EARTH
IN V. SHAROV'S PROSE**

The article using the example of four novels of the contemporary Russian writer Vladimir Sharov is considered the plot of search of the truth, embodied in several aspects: ontological (as the creation of religious and mystical world view), social (as recreation of reality through revolutionary changes and the establishment of the similarity of the Kingdom of Heaven on the earth) philosophy (as the generation of utopian ideas and projects).

Keywords: plot, event, V. Sharov, people's Truth.

Ashcheulova Irina V. – candidate of philology, assistant professor of the chair of journalism and Russian literature of the XX century, Kemerovo State University (6 Krasnaya Str., Kemerovo 650000; asheulova@mail.ru; +7 905 907 75 90)